

Протоиерей Максим Кокарев

Надзор за проповеднической деятельностью в Русской церкви конца синодального периода (на материалах Самарской епархии)

Статья посвящена изучению такой специфической функции епархиальной власти в Русской церкви конца синодального периода, как управление в сфере проповедничества. В ней на материалах Самарской епархии рассмотрены цензорские функции различных звеньев епархиальной администрации. Ситуация с проповедничеством в Самарской епархии конца XIX — начала XX вв. была крайне неудовлетворительной, что не в последнюю очередь объясняется существовавшей тогда громоздкой бюрократической системой цензурирования проповедей. Система управления в сфере проповедничества была в епархии даже более бюрократизирована, чем того требовал Устав духовных консисторий. Цензурирование «очередных» проповедей, связанное с прохождением нескольких инстанций (благочинный, специальный уездный цензор), занимало длительное время, будучи при этом не слишком эффективным инструментом. Зачастую требования епархиальной власти были заведомо неисполнимы. Рассмотренные источники позволяют констатировать нарастающую в начале XX в. волну недовольства по отношению к епархиальной цензуре со стороны духовенства. Несмотря на весьма крупные штрафы, ряд священников принципиально манкировал распоряжениями консистории. Осознание проблемы было как у рядового духовенства, так и у правящего архиерея. Однако централизованная система управления церкви и отсутствие навыка к проявлению инициативы тормозили решение данного вопроса. В конечном итоге ситуация изменилась только в 1910 г., когда указом консистории назначение двух обязательных проповедей было отменено. «Очередное» проповедничество сохранилось лишь в кафедральном соборе, где произносили поучения все священники губернской столицы. Таким образом, практика приблизилась к тем положениям, которые прописаны в Уставе духовных консисторий. Полемика начала XX в. обнажила проблемы в проповедничестве и стала подготовкой к активным дискуссиям на данную тему в предсоборных инстанциях и на Поместном соборе 1917–1918 гг.

ключевые слова: история Русской православной церкви, синодальный период, епархиальная цензура, консистория, уездный цензор, благочинный, епархиальный съезд.

В современной историографии при рассмотрении системы епархиального управления чаще всего подвергается анализу деятельность институтов епархиальной власти в финансово-хозяйственной, образовательной, миссионерской сферах. Такой же вопрос, как администрирование в области богослужебной и проповеднической жизни церкви, часто оказывается за пределами внимания исследователей. Данная статья посвящена управлению в сфере проповедничества в Русской церкви конца XIX — начала XX в. на материалах Самарской епархии. Основное внимание в ней уделено цензорским функциям различных звеньев епархиальной администрации. Необходимо отметить, что данные функции не являются в настоящее время достаточно исследованными. Как дореволюционные, так и современные труды, посвященные духовной цензуре, касаются, как правило, деятельности центральных церковных учреждений [*Котович, Карпук, Задорнов*]. В тех редких случаях, когда рассматривается епархиальная цензура, основное внимание уделяется фигуре правящего архиерея [*Епархиальная цензура*]. В то же самое время церковному исследователю изучение данной темы может дать обильный материал при построении целостной картины системы епархиального управления.

Ситуацию с проповедничеством в Самарской епархии в конце XIX в. наглядно демонстрирует докладная записка кафедрального прот. Валериана Лаврского, сохранившаяся в архиве консистории. Этот документ был подан на рассмотрение еп. Гурию (Буртасовскому) в 1893 г., хотя на самой записке стоит более ранняя дата: 16 марта 1891 г. Кафедральный протоиерей дает весьма критичную оценку тому, как поставлено дело проповеди в епархии. Даже в городских храмах поучения за каждым воскресным богослужением являются редкостью. Лаврский говорит, в частности, о протоиерее Петропавловской церкви Григории Разумовском, который «единолично ведет каждый воскресный и праздничный день проповеди» как о явлении совершенно уникальном для Самары [*Дело 2881. Л. 7*].

В своей записке кафедральный протоиерей предлагал для исправления ситуации устроить при крупных храмах своеобразные проповеднические кружки с привлечением городских священников, способных к проповеди. Предложение было достаточно проработанным; оно включало в себя несколько готовых вариантов расписания произнесения проповедей (исходя из того, сколько храмов будет задействовано: 2, 3 или 4) [*Дело 2881. Л. 7 об*].

На этой записке в виде интерлинейрных комментариев изложены замечания еп. Гурия. Архиерей отклонил предложение о. Валериана Лаврского, так как считал, что дело проповеди не есть дело некоторых одаренных священников, а является первейшей обязанностью каждого пастыря [*Дело 2881. Л. 6*]. Замечание абсолютно правильное, однако скорее в теории. На деле ситуация была гораздо сложнее. Интересный факт: через несколько месяцев после рассмотрения архиереем записки Лаврского последний стал членом присутствия Консистории, где возглавил работу 1-го «вероисповедного» стола, который помимо всего прочего занимался и вопросами проповедничества [*Определения, 141*]. Можно предположить, что его равнодушие к делу проповеди было все же отмечено епархиальным начальством.

Надо отметить, что в Уставе духовной консистории вопрос о проповедничестве занимает одно из важнейших мест. В разделе II «Епархиальное управление» ему посвящены статьи 8–13. Епархиальному начальству здесь предписывается усиленно «пещись, чтобы духовенство проповедовало Слово Божие... при всяком удобном случае» [*Устав, 112*]. Что же касается самого духовенства, то ему устав предписывал «читать поучения из писаний Св. Отец и из назначенных для того книг, а получившие надлежащее образование должны произносить и собственные свои поучения» [*Устав, 112*]. Собственные проповеди священники были должны «смотря по возможности» предоставлять в цензуру до их произнесения. В крайнем случае поучения должны были быть предоставлены уже после произнесения «для рассмотрения и означения в клировых ведомостях, сколько кем произнесено собственных поучений» [*Устав, 112*]. О «неисправных» священнослужителях консистория была обязана докладывать правящему архиерею.

В кафедральных соборах епархий учреждалось так называемое очередное проповедование. Для этого в собор вызывались все священники городских и пригородных церквей. Консистория в ноябре месяце каждого года составляла расписание этих проповедей и предоставляла его на утверждение епархиальному преосвященному. Кроме того, в епархиальных городах и других крупных населенных центрах епархий «сообразно местности и способности священников» были учреждены специальные катехизические поучения, которые произносились по воскресным дням. Расписание катехизических поучений консисторией составлялось в августе месяце каждого года.

Что касается цензуры как катехизических поучений, так и проповедей собственного сочинения, в Уставе духовных консисторий нет однозначных предписаний. В § 12 сказано, что рассмотрение поучений поручается либо благочинному, либо особому цензору, которые и сообщают епархиальному начальству как о тех священниках, которые не предоставили проповеди, так и о тех, «кои к составлению оных не прилагают должного тщания» [*Устав, 112*]. Провинившихся консистория штрафовала; в Самарской епархии эти штрафы доходили до 5 рублей и шли в пользу Попечительства о бедных духовного звания [*Дело 3244. Л. 125 об.*].

Верховной инстанцией в деле проповедничества в епархии был, конечно же, правящий архиерей. Ему устав предписывал рассмотрение проповедей священников, служащих в церквях епархиального центра, «сколько другие занятия позволяют». Ему же в конце года предоставлялись цензорами катехизические поучения, которые просматривал он сам или иные лица по его поручению [*Устав, 112*].

При своем возникновении эта система цензорской проверки поучений имела, несомненно, благие цели — улучшить состояние проповеднического дела в церкви. В то же самое время целесообразность ее нередко ставилась под вопрос духовенством. Особенно активно недовольство стало проявляться в начале XX в. С одной стороны, отсутствие дифференцированного подхода, когда даже опытным и хорошо образованным священникам приходилось предоставлять свои проповеди на проверку, не могло не восприниматься как недоверие и вызывало недовольство. С другой стороны, цензорские обязанности ложились на благочинных или других авторитетных городских священников, отвлекая от более насущных занятий и увеличивая и без того раздутую переписку между инстанциями. Не говоря уже об архиереях, которые не имели никакой возможности исполнять предписания 13 параграфа. Так, в Самарской епархии архиерей лично не просматривал проповеди городского духовенства; это делал кафедральный протоиерей, исполнявший обязанности цензора церковью Градо-Самарского округа. Весь рассматриваемый период эту должность занимал упоминавшийся выше прот. Валериан Лаврский [*Кокарев*].

Вообще же руководство проповедническим делом в Самарской епархии имело некоторые особенности, дополняющие общие указания Устава духовной консистории. Устав еще оставлял определенную свободу проповеднику, не регламентируя количество и время произнесения проповедей (исключая поучения катехизи-

ческие и «очередные» в кафедральном соборе), предписывая все собственные проповеди предоставлять на рассмотрение. В Самарской епархии система была следующей. Существовала специальная должность — уездный цензор, которую занимал, как правило, соборный протоиерей уездного города. Все благочинные были обязаны в конце августа предоставить ему списки «ученого» духовенства своего округа. Иногда, судя по документам, благочинные предоставляли не просто списки, а готовые расписания на следующий год по своему округу [Дело 3244. Л. 45].

Цензор в свою очередь составлял сводное расписание очередных поучений для духовенства всего уезда и затем отсылал его епархиальному Преосвященному. После утверждения архиереем расписание отправлялось назад по цепочке: уездный цензор — благочинный — приходской священник [О назначении, 595]. Расписание для духовенства Самары составлял кафедральный протоиерей, а духовенством Самарского уезда занималась непосредственно консистория. Священники, которым были назначены очередные поучения, предоставляли их на проверку благочинным, а священники уездных городов — соборным протоиереям. А в конце года отчет об исполнении проповеднического долга по всем инстанциям через благочинного и уездного протоиерея доходил до епископа. Таким образом мы видим, что в организации проповеднического дела были задействованы все звенья церковной администрации.

«Очередные» поучения были обязаны произносить все священнослужители епархии, имевшие образование не ниже семинарского. Причем это касалось не только священников, но и дьяконов, и даже псаломщиков [Дело 3244. Л. 32, 34]. Количество «очередных» поучений в году у каждого проповедника было в разных епархиях и в разное время неодинаковым и имело устойчивую тенденцию к уменьшению (12, 8, 4). В Самарской епархии в 1894 г. это число было уменьшено с 4 до 2 [О составлении, 270]. Эта мера должна была облегчить жизнь священникам, однако выродилась в чистую формальность. Ленивых и нерадивых пастырей такой подход исправить вряд ли мог. Напротив, он мог расхолодить и других, внушив мысль, что сказавший в год две одобренные цензором проповеди, уже выполнил проповеднический долг. Многие так и делали, все остальное время не произнося поучений совсем или ограничиваясь проповедованием по книгам.

В то же самое время добросовестные и ревностные пастыри, регулярно произносившие живые и искренние слова перед своей

пастью, не могли не тяготиться таким формализмом, как произнесение проповедей по расписанию и на жестко регламентированные темы. Один из современников, служивший в соседней Саратовской епархии, возмущался:

Если священник испытан и не подал повода подозревать его в нечистоте его веры, то зачем же дозорщик? Да он и смотрит не за чистотою проповедуемых им христианских истин; он смотрит исключительно за тем, чтобы слово его было написано красно, со всеми правилами риторики. Цензор есть, ни более, ни менее, как школьный учитель, со всеми приемами школьного учителя, а священник, и в глазах своего начальства и цензора, есть школьник [*Записки, 200*].

Кроме «очередных» поучений образованное духовенство приносило еще и катехизические поучения, которые имели своей целью наставление народа в основных истинах православной веры и являлись, по сути, толкованием Символа веры, молитвы Господней, а также Декалога и заповедей блаженств. Катехизаторов на каждый год выбирало духовенство округа на благочинническом съезде, чаще всего в количестве двух человек (иногда избирали всего только одного проповедника) [*Дело 3042. Л. 1, 6*]. Критерием избрания была не только подготовка священника, но и давность последней катехизации в том или ином селе, а также состояние местной паствы (наличие раскольников или сектантов) [*О правильном, 6*].

Из-за большого объема материала один цикл катехизических поучений мог не уложиться в срок и вместо года длился полтора или два, что дозволялось распоряжением консистории [*О ведении, 599*]. Несмотря на следование принципу очередности, иногда имели место ситуации, когда в приходе катехизации не было более 20 лет [*Дело 3252. Л. 12*]. В Самарской епархии в инородческих приходах при наличии подготовленного священника катехизация велась на соответствующем языке (причем священников-инородцев иногда назначали и без полного семинарского образования) [*Дело 3252. Л. 14*]. В любом случае катехизические поучения, так же как и «очередные», подлежали цензуре; составители лучших поучений удостоивались благодарности епархиального начальства.

На практике произнесение «очередных» проповедей сопровождалось целым рядом проблем. В частности, запрещалось отклоняться от тем этих «очередных» проповедей. Так, в январе 1907 г.

благочинный 4-го округа Самарского уезда Павел Введенский докладывал в консисторию, что в его благочинии проповеднический долг не исполнил священник села Новый Сарбай Василий Остроумов [Дело 3244. Л. 9]. Нарушение его заключалось в том, что в 1906 г. в 3-ю неделю по Пасхе он совершал первую литургию в своем новом приходе. Совершенно логично, что он обратился к пастве с приветственным словом вместо того, чтобы говорить на тему дня. Консистория строго отнеслась к данному нарушению. В ее определении сказано:

За не составление очередного поучения священнику Василию Остроумову сделать замечание с предупреждением его, что назначенных Епархиальным начальством поучений он не может заменять по своему произволу. При повторении подобных поступков он, священник Остроумов, будет подвергнут более тяжкому взысканию [Дело 3244. Л. 10 об.].

Выговор мог получить и тот редкий священник, который постоянно проповедовал в течение года, но пропустил «очередное» поучение. Так было со священником села Николаевка Иоанном Масловым. Благочинный характеризовал его как «усерднейшего» проповедника, который произносит проповеди не только по книгам, но и «своего составления». Консистория решила все же не наказывать его в административном порядке, но «внушить ему, однако же, чтобы на будущее время неотложно составлял и произносил очередные поучения» [Дело 3244. Л. 16 об.].

При ознакомлении с расписанием священник отмечался в графе «расписка в выслушании росписания». Наличие этой графы, правда, не всегда гарантировало произнесение проповедей. Благочинный 5-го округа Николаевского уезда Михаил Ливанов доносил, что два священника не произносили проповедей, так как «забыли время». Обоих консистория оштрафовала на 2 рубля в пользу Попечительства о бедных так же, как и еще одного священника, который не произнес проповедь «по причине холода» [Дело 3244. Л. 47].

В начале XX в. все чаще стали раздаваться голоса, предлагающие отменить систему цензуры проповедей. В Самаре впервые этот вопрос был поднят на съезде духовенства в 1903 г. Тему проповедничества делегатам предложил сам еп. Гурий (Буртасовский), увязав ее с активизацией противодействия сектантству и расколу. Съезд подошел к вопросу основательно, учредив специальную комиссию, которая привлекла местный материал.

Свои предложения представил съезд благочинных Новоузенского уезда и духовенство 1-го округа Бузулукского уезда, где к тому времени уже действовали регулярные проповеднические собрания. На заседания съезда, посвященные теме церковной проповеди, были приглашены кроме его делегатов: ректор семинарии, епархиальный миссионер и кафедральный протоиерей Валериан Лаврский [Журналы 1903, 198].

Делегаты отметили необходимость регулярных братских собраний священников в благочиннических округах, не имеющих, однако, официального характера, который «убьет их жизнеспособность и полезность» [Журналы 1903, 200]. Кроме того, в целях поднятия уровня самих проповедников было рекомендовано на этих собраниях особое внимание уделять изучению Священного писания. Также делегаты съезда отметили необходимость частых катехизических поучений, и здесь закономерно встал вопрос об обязательной цензуре последних. Попросили высказаться о Валериана Лаврского, который занимался этим вопросом специально. По мнению о. Валериана, обязательное составление поучений по расписанию следовало совсем отменить, так как «составление их крайне необстоятельно» и, кроме того, оно «растягивается на несколько лет, следовательно, не достигает намеченной цели обучения прихожан истинам веры» [Журналы 1903, 201]. Но поскольку параграф Устава духовных консисторий священники изменить не могли, было принято решение ходатайствовать перед архиереем об отмене обязательного избрания катехизаторов и предоставления поучений цензору. При этом отцы-делегаты ссылались на практику, существовавшую в соседних Саратовской и Казанской епархиях [Журналы 1903, 201].

Епископ Гурий отнесся к данному предложению категорически отрицательно. В журнале съезда он оставил запись:

Это значит лишить возможности талантливых, добрых священников заслуживать внимание начальства... Если прекратить этот обязательный ученый пастырский труд, священники впадут в беспечность и разучатся рассуждать о благочестии и вере [Журналы 1903, 201].

Обращают на себя внимание последние слова, которые свидетельствуют об отношении епископа (при всех его несомненных достоинствах) к своему духовенству как к людям, способным на ответственное отношение к своим обязанностям лишь при условии принуждения сверху.

Ситуация стала меняться с 1904 г., когда епархию возглавил епископ Константин (Бульчев). В сентябре 1905 г. во время проведения в Самаре съезда епархиального духовенства по инициативе преосвященного состоялось первое пастырское собрание всего самарского духовенства. Одним из главных вопросов на нем было состояние проповеднического дела в епархии. После долгих обсуждений, в ходе которых были выявлены многочисленные изъяны существующей системы, было принято решение по-прежнему избирать катехизаторов, но произносить поучения без предоставления их цензору. Что касается «очередных» поучений, то их решено было оставить только для кафедральных соборов (как того и требовал Устав духовных консисторий) [*Первое*, 753]. Епископ Константин высказал согласие с такими решениями. Однако данное пастырское собрание не было официальной инстанцией, и одобрение архиерея было лишь устным.

В следующем 1906 г. епархиальный съезд духовенства вернулся к данному вопросу. Отцы отметили полную бесполезность существующего порядка, так как те, кто не хотят проповедовать, все равно списывают свои поучения, а те, кто хотят — делают это без всякого принуждения. Осознавая, что мгновенно изменить весь порядок невозможно, съезд просил у архиерея сделать распоряжение, чтобы в следующем проповедническом году консистория не штрафовала священников, не представивших проповеди цензору, а в будущем совсем отменить цензуру [*Журналы 1906*, 382]. На этот журнал епископ Константин наложил резолюцию:

Постановление не может быть утверждено, как не согласное с существующими узаконениями. Касательно отмены обязательной катехизации я высказался в своем отзыве Святейшему Синоду [*Журналы 1906*, 382].

Справедливости ради надо сказать, что в отзыве еп. Константин высказался очень осторожно, лишь сказав, что все существующие меры усиления проповедничества и катехизации не оказывают должного действия, так как «вера проповедуется не живая, а мертвая» [*Отзывы*, 439].

Таким образом, мы видим, что осознание проблемы было как у рядового духовенства, так и у правящего архиерея. Однако централизованная система управления церкви и отсутствие навыка к проявлению инициативы тормозили решение данного вопроса. При этом многие священники восприняли результаты пастырского собрания и обсуждение на съезде духовенства как сигнал к действию.

Так, уже в 1907 г. консистория попыталась оштрафовать за невыполнение проповеднического долга свящ. Андрея Альбокринова, председателя Комитета свечного завода. Вместо того чтобы заплатить 3 рубля штрафа, о. Андрей вступил с консисторией в длительную переписку, пытаясь доказать, что после всех обсуждений данного вопроса его можно уже считать практически решенным в смысле отмены «очередного» проповедования и цензуры поучений [*Дело 3253. Л. 21 об.*]. Дело закончилось уже в начале 1908 г. тем, что консистория постановила штраф взыскать и «независимо сего, священнику Альбокринову предписать не обременять епархиальное начальство неосновательной и не относящейся к существу дела перепиской» [*Дело 3253. Л. 22*].

Невыполнение проповеднического долга иногда принимало масштабные размеры. Уездный цензор Бузулукского уезда сообщал в 1907 г., что за истекший проповеднический год не представили одно или даже оба поучения 84 человека (из них один дьякон и один псаломщик) двенадцати округов уезда [*Дело 3253. Л. 50*].

Консистория, естественно, затребовала объяснение от благочинных тех округов, где были «неисправные» священники. Объяснения священников иллюстрируют их отношение к такому порядку исполнения проповеднического долга и свидетельствуют о глубине проблемы. Некоторые священники честно признались, что не предоставляли проповедей цензору по забывчивости. Другие не получили даже самого расписания проповедей по причине неповоротливости бюрократической системы, как, например, священник села Ново-Троицкое Виктор Островидов, который получил извещение о назначении ему «очередной» проповеди на пятое ноября только в декабре! Необходимо еще учитывать расстояния между отдаленными селами и уездным центром. Некоторые священники жаловались на то, что отправили цензору поучения по почте, но они не дошли в срок. Многие священники отмечали в своих рапортах огромную занятость, в силу которой они не успели отправить проповеди, хотя сами поучения были ими произнесены. Действительно, 1906–1907 гг. были голодными годами, и священникам приходилось кроме своих обычных занятий еще заведовать столовыми (таких священников консистория, кстати, от наказания все же освободила).

Однако ряд священников, не предоставивших проповеди цензору, не сделали этого принципиально и попытались отстоять свою позицию. Так, священник села Преображенка Михаил Леонидов написал, что находит «представление поучений цензору,

да еще назначенных на известные дни и только двух — совершенно излишней и даже унижительной формальностью» и не намерен этим заниматься [*Дело 3253. Л. 124*]. А священник села Логачевка Николай Орлов апеллировал к тексту Устава духовной консистории, где не прописаны четко ни очередность поучений, ни их количество. Кроме того, он высказывает мнение, что при существующем «образовательном цензе духовенства едва ли есть какая-либо польза от цензуры поучений» [*Дело 3253. Л. 125*].

Консистория ответила бунтарям, что инициатива назначения проповедей и предоставления их цензорам принадлежит епархиальному начальству. А потому «священнослужители, самовольно и на основании своих мудрствований не исполнившие возложенной на них обязанности по составлению проповедей, оказывают явное противление епархиальному начальству» [*Дело 3253. Л. 125*]. В результате, тех, кто забыл произнести проповеди, наказали штрафом в 3 рубля, а упорствовавших — в 5 рублей.

В конечном итоге ситуация изменилась только в 1910 г., когда указом консистории назначение двух обязательных проповедей для всех ученых священников было отменено. Благочинным было лишь предписано тщательно следить за исполнением проповеднического долга всеми священниками округа и отражать состояние проповедничества в своих полугодичных и годичных отчетах. «Очередное» проповедничество сохранилось лишь в кафедральном соборе, где поучения произносили все священники губернской столицы. Таким образом, практика приблизилась к тем положениям, которые прописаны в Уставе духовных консисторий [*Об исполнении, 401*]. Сохранились и обязательные катехизические поучения; изменилась только их география. Назначать их стали только в Самаре, уездных городах, а также в г. Балаково и Покровской слободе Николаевского уезда (самого сложного с точки зрения распространения раскола) [*Расписание, 245*].

Полемика, развернувшаяся по поводу церковной проповеди, наглядно показала отсутствие единого видения путей решения проблемы. Сходились все авторы только в том, что формальный подход с расписанием и цензурой поучений оказывает отрицательное влияние и должен быть отменен. Что же касается положительных мер усиления проповеди, то здесь мнения серьезно расходились. Многие молодые священники, окрыленные преобразованиями, начавшимися в государстве и церкви, требовали полного отказа от чтения готовых проповедей, которые называли «недоразумением» и «жалким анахронизмом» [*По вопросам, 93*],

призывая пользоваться исключительно «живым» словом. Высказывались даже предложения, чтобы

пастырям церкви было предъявлено *требование «живого» слова*, и тогда каждый будет знать, что *неисполнение этого требования повлечет за собою если не ухудшение настоящего положения, то, во всяком случае, лишит его многих шансов на дальнейшее улучшение этого положения* [Сельский священник, 454].

То есть решать вопрос опять предлагали методом санкций и наказаний.

С другой стороны, многие священники, относившиеся к ситуации трезво, подчеркивали, что при разном уровне одаренности и ораторских дарований подходить ко всем священникам с одной меркой неправильно. Для некоторых пастырей наиболее приемлемой формой проповеди действительно является чтение готовых поучений, прошедших определенную проверку. Самые осторожные, опасавшиеся, вероятно, вреда от молодых проповедников-импровизаторов, вообще предлагали сделать проповедничество уделом только некоторых наиболее опытных пастырей, а не всеобщим пастырским долгом. Предлагали для этого ввести должность специальных проповедников:

Пусть это будет проповедь редкая; пусть она будет только достоянием таланта и пусть будет, как в древности, восстановлена должность церковного проповедника... [Живая, 374].

Таким образом мы видим, что система управления в сфере проповедничества была в епархиях Русской церкви в начале XX в. зачастую даже более бюрократизирована, чем того требовал Устав духовных консисторий. Цензурирование «очередных» проповедей, связанное с прохождением нескольких инстанций, занимало длительное время, будучи при этом не слишком эффективным инструментом. Нерадивых оно не исправляло, а честным и трудолюбивым пастырям создавало лишние трудности. Как элемент епархиальной системы управления синодального периода надзор за проповедниками, начиная с 1905 г., стал постепенно ослабляться, однако некоторые его формы в урезанном виде просуществовали вплоть до 1917 г.

Источники

1. *Дело 2881* = Сведения (отчеты, акты, рапорты и др.) о деятельности миссионеров в Самарской Епархии за 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 1–541.
2. *Дело 3042* = Материалы о назначении катехизаторов по Самарской епархии на 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3042. Л. 1–106.
3. *Дело 3244* = Донесения об исполнении проповеднического долга за 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 1–125.
4. *Дело 3252* = Материалы о назначении очередных катехизаторов на 1908/9 г. по Самарской епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3252. Л. 1–108.
5. *Дело 3253* = Сведения об исполнении проповеднического долга за 1908 г. по Самарской епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3253. Л. 1–131.
6. *Журналы 1903* = Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1903 года // СЕВ. 1903. № 18. С. 197–267 (оф. ч.).
7. *Журналы 1906* = Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 года // СЕВ. 1906. № 19. С. 373–402 (оф. ч.).
8. *О ведении* = О ведении полного круга катехизации // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. Самара : Тип-я Самарской Духовной Консistorии, 1899. С. 599–600.
9. *О назначении* = О назначении и составлении очередных проповедей // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. Самара : Тип-я Самарской Духовной Консistorии, 1899. С. 595–597.
10. *О правильном* = О правильном ведении катехизации // СЕВ. 1894. № 1. С. 6–7 (оф. ч.).
11. *О составлении* = О составлении очередных проповедей // СЕВ. 1894. № 19. С. 270–271 (оф. ч.).
12. *Об исполнении* = Об исполнении долга проповедничества // СЕВ. 1914. № 16. С. 399–403 (оф. ч.).
13. *Определения* = Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1893. № 21. С. 190–191.
14. *Отзывы* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : В 2 ч. Ч. 1. М. : Издательство Крутицкого подворья, 2004. 1040 с.
15. *Расписание* = Расписание катехизических поучений, назначенных к провознесению в церквях в 1914 году // СЕВ. 1913. № 17. С. 245 (оф. ч.).
16. *Устав* = Устав Духовных Консistorий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 3. СПб. : Государственная типография, 1886. С. 111–155.

Литература

1. *Епархиальная цензура* = Епархиальная цензура // Церковно-общественный вестник. 1880. № 54. 7 мая. С. 1–2; № 55. 9 мая. С. 1–2; № 60. 21 мая. С. 1–2.
2. *Живая* = Живая и «мертвая» проповедь // СЕВ. 1908. № 9. С. 371–375 (неоф. ч.).
3. *Задорнов* = Задорнов Александр, прот. Церковная цензура: прошлое и перспективы. URL : <http://www.bogoslov.ru/text/305703.html> (дата обращения: 05.05.2019).
4. *Записки* = Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб. : Русская старина, 1882. [2], IV, 324 с.
5. *Карпук* = Карпук Д. А. Духовная цензура : Основные вехи из истории духовно-цензурных комитетов в синодальный период // Православное книжное обозрение. 2014. № 1 (36). С. 42–51.
6. *Кокарев* = Кокарев Максим, прот. Кафедральный протоиерей Валериян Викторович Лаврский и его эпистолярное наследие // Четвертые Гротовские чтения : Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции : (22 октября 2015 г.). Самара : Офорт, 2016. С. 166–175.
7. *Котович* = Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб. : Родник, 1909. 604 с.
8. *Первое* = Первое пастырское собрание // СЕВ. 1905. № 18. С. 745–755 (неоф. ч.).
9. *По вопросам* = По вопросам церковной жизни // СЕВ. 1908. № 3. С. 90–97 (неоф. ч.).
10. *Сельский священник* = Сельский священник. Еще о живой проповеди // СЕВ. 1908. № 11. С. 454–462 (неоф. ч.).

Список сокращений

СЕВ	Самарские епархиальные ведомости
ЦГАСО	Центральный государственный архив Самарской области

Archpriest Maxim Kokarev

Overseeing the preaching ministry in the Russian Church in the late Synodal period (as exemplified by the Samara Diocese)

The article is devoted to the studying of such a specific function of the diocesan authority as the management in the field of preaching in the Russian Church of the end of the Synodal period. The censor functions of various parts of the diocesan administration are considered herein according to the materials of the Samara Diocese.

The situation with the preaching in the Samara Diocese of the late XIX — early XX centuries was extremely unsatisfactory, which is not least explained by the cumbersome bureaucratic system of censoring sermons that existed then. The system of governance in the establishment of preaching was even more bureaucratic in the diocese than required by the Charter of spiritual consistories. The censoring of “next-in-turn” sermons, associated with the passage of several instances (a rural dean, a special county censor), took a long time, while being not a very effective means. Often the requirements of the diocesan authorities were obviously impossible to implement.

The considered sources allow us to state the growing wave of discontent of the clergy towards the diocesan censorship in the early twentieth century. Despite the very heavy fines, a number of priests essentially ignored the orders of the consistory. Awareness of the problem was among the ranks priests and the ruling bishops. However, the centralized system of church management and the lack of skill to take initiative delayed the resolution of this issue. In the end, the situation changed only in 1910, when the appointment of two mandatory sermons was canceled by a decree of the consistory. The “next-in-turn” preaching was preserved only in the cathedrals, where all the priests of the provincial capital delivered homilies. Thus, the practice was approximated closer to those provisions that are spelled out in the Charter of spiritual consistories.

The polemics of the early twentieth century revealed the problems of preaching and fetched to the preparation for active discussions on this question in the pre-council instances and after that at the Local Council of 1917–1918.

KEYWORDS: history of the Russian Orthodox Church, Synodal period, diocesan censorship, consistory, county censor, rural dean, diocesan congress.

References

SOURCES

- I. Doneseniia ob ispolnenii propovednicheskogo dolga za 1907 g. [Reports on the performance of the preaching duty for 1907]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of Samara Region], coll. 32, aids. 1, fol. 3244, pp. 1–125 (in Russian).
2. Materialy o naznachenii katekhizatorov po Samarskoi eparkhii na 1895 g. [Material on the appointment of catechists in the diocese of Samara in 1895]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of Samara Region], coll. 32, aids. 1, fol. 3042, pp. 1–106 (in Russian).
3. Materialy o naznachenii ocherednykh katekhizatorov na 1908/9 g. po Samarskoi eparkhii [Material on the appointment of regular catechists in 1908/9 for the diocese of Samara]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of Samara Region], coll. 32, aids. 1, fol. 3252, pp. 1–108 (in Russian).
4. “O naznachenii i sostavlenii ocherednykh propovedei” [“About appointment and compiling the regular sermons”], in *Sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po Samarskoi eparkhii*, Samara, 1899, v. 1, pp. 595–597 (in Russian).
5. “O pravil'nom vedenii katekhizatsii” [“On the proper management of catechism”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1894, n. 1, pp. 6–7 (in Russian).
6. “O sostavlenii ocherednykh propovedei” [“About compiling regular sermons”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1894, n. 19, pp. 270–271 (in Russian).
7. “O vedenii polnogo kruga katekhizatsii” [“On the conduct of a full range of catechesis”], in *Sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po Samarskoi eparkhii*. Samara, 1899, v. 1, pp. 599–600 (in Russian).
8. “Ob ispolnenii dolga propovednichestva” [“On the performance of the duty of preaching”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1914, n. 16, pp. 399–403 (in Russian).
9. “Opredeleniia Sviateishego Sinoda” [“Definitions of the Holy Synod”]. *Tserkovnye vedomosti*, 1893, n. 21, pp. 190–191 (in Russian).
10. “Raspisanie katekhizicheskikh pouchenii, naznachennykh k proizneseniiu v tserkvakh v 1914 godu” [“Schedule of catechetical sermons to be delivered in churches in 1914”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1913, n. 17, p. 245 (in Russian).
- II. *Otzyvy eparkhial'nykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoi reforme* (2004). [Reviews of diocesan bishops on the issue of Church reform]. Moscow : Publishing house Krutitsky Compound (in Russian).

12. Svedeniia ob ispolnenii propovednicheskogo dolga za 1908 g. po Samarskoi eparkhii [Reports on the performance of the preaching duty for 1908 by the diocese of Samara]. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of Samara Region], coll. 32, aids. 1, fol. 3253, pp. 1–131 (in Russian).
13. “Ustav Dukhovnykh Konsistorii” [“Charter of ecclesiastical consistories”], in *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e*, v. 3, Saint-Petersburg, 1886, pp. 111–155 (in Russian).
14. “Zhurnaly s'ezda dukhovenstva Samarskoi eparkhii sessii 1903 goda” [“Journal of the Congress of clergy of the Samara diocese session of 1903”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1903, n. 18, pp. 197–267 (in Russian).
15. “Zhurnaly s'ezda dukhovenstva Samarskoi eparkhii sessii 1906 goda” [“Journal of the Congress of clergy of the Samara diocese session of 1906”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1906, n. 18, pp. 373–402 (in Russian).

BIBLIOGRAPHY

1. “Eparkhial'naia tsenzura” [“Diocesan censorship”]. *Tserkovno-obshchestvennyi vestnik*, 1880, n. 54, May 7, pp. 1–2; n. 55, May 9, pp. 1–2; n. 60, May 21, pp. 1–2 (in Russian).
2. Karpuk D. A. (2014). “Dukhovnaia tsenzura : Osnovnye vekhi iz istorii dukhovno-tsenzurnykh komitetov v sinodal'nyi period” [“Ecclesiastical censorship : The main milestones in the history of ecclesiastical censorship committees in the Synodal period”]. *Pravoslavnoe knizhnoe obozrenie*, 2014, n. 1 (36), pp. 42–51 (in Russian).
3. Kokarev Maksim, archpriest (2016). “Kafedral'nyi protoierei Valerian Viktorovich Lavrskii i ego epistoliarное nasledie” [“Cathedral Archpriest Valerian Viktorovich Lavrsky and his epistolary heritage”], in *Chetvertye Grotovskie chteniia : Sbornik materialov mezhtseoblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : (22 oktiabria 2015 goda)*, Samara : Ofort, pp. 166–175 (in Russian).
4. Kotovich A. N. (1909). *Dukhovnaia tsenzura v Rossii (1799–1855 gg.)* [Ecclesiastical censorship in Russia (1799–1855)]. St. Petersburg : Rodnik (in Russian).
5. “Pervoe pastyrskoe sobranie” [“First pastoral meeting”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1905, n. 18, pp. 745–755 (in Russian).
6. “Po voprosam tserkovnoi zhizni” [“On matters of Church life”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1908, n. 3, pp. 90–97 (in Russian).
7. “Sel'skii sviashchennik. Eshche o zhivoi propovedi” [“More about the live sermon”]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1908, n. 11, pp. 454–462 (in Russian).

8. Zadornov Alexander, archpriest. *Tserkovnaia tsenzura: proshloe i perspektivy*. [Church censorship: past and prospects], available at: <http://www.bogoslov.ru/text/305703.html> (06.12.19) (in Russian).
9. *Zapiski sel'skogo sviashchennika. Byt i nuzhdy pravoslavnogo dukhovenstva* [Notes of the village priest. Life and needs of the Orthodox clergy]. Saint-Petersburg : Russkaia starina, 1882 (in Russian).
10. "Zhivaia i 'mertvaia' propoved'" ["Living and 'dead' sermon"]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti*, 1908, n. 9. pp. 371–375 (in Russian).

Abbreviations

- СЕВ Samara diocesan sheets
ЦГАСО Central State Archive of Samara Region